

тельно создания определенной души, то в нее снизошло бы такое количество Божественности, что получился бы как бы второй, воплотившийся Бог. И это примерно все, что можно сказать о природном пути.

О пути же богословском можно сказать, что, как только высшее Божество, то есть Бог, увидит Свою тварь подготовленной к приятию Его даров, Он одаряет ее тем щедрее, чем более она подготовлена к их приятию. А так как дары эти приходят от несказанной милости, а Божественная милость присуща Духу Святому, то именуются они дарами Святого Духа. Таковых, согласно пророку Исайе, семь, а именно Премудрость, Разум, Совет, Крепость, Ведение, Благодетель и Страх Господний. О добрые всходы, о добрые и дивные посевы! О дивный и благой Сеятель, Который только и ждет того, чтобы человеческая природа уготовила Ему почву для посева! Блаженны же, кто должным образом возвращает этот посев! При этом следует иметь в виду, что первый и самый благородный росток, пробивающийся из этого семени, чтобы принести плоды, – это то духовное влечение, которое по-гречески называется «*hormen*». И если этот росток должным образом не возрастить и должным образом не поддерживать его и не приучить расти прямо, то сам посев мало чего стоит и лучше было бы ему вовсе не быть посеянным. А потому Святой Августин, а также Аристотель во второй книге «*Этики*» требуют, чтобы человек привыкал поступать хорошо и обуздывать свои страсти, с тем чтобы названный побег от хорошей привычки окреп и утвердился в своей прямоте, так чтобы он мог плодоносить и чтобы плод его источал сладость человеческого блаженства.

XXII.

У представителей нравственной философии, говоривших о благодеяниях, есть заповедь, согласно которой все способности и все заботы человека должны быть направлены на то, чтобы благодеяния, им расточаемые, приносили наибольшую пользу тому, кто их приемлет; посему и я, желая быть послушным этому велению, намереваюсь сделать этот мой «Пир» в каждой его части настолько полезным, насколько это будет в моих силах. А так как в настоящей части мне предоставляется возможность несколько задержаться на рассуждениях о человеческом счастье, я собираюсь побеседовать о сладости этого счастья; ведь не может же быть более полезной беседы для тех, кто этой сладости не вкусил. В самом деле, как говорит Философ в первой книге «*Этики*» и Туллий в своей книге «*О границах добра*», плохо попадает в цель тот, кто ее не видит; и столь же плохо может дойти до этой сладости тот, кто с самого начала не помышляет о ней. И так как она есть последнее прибежище, где мы найдем отдохновение, а ради нее мы живем и действуем, в высшей степени полезно и необходимо видеть эту цель, дабы направлять на нее стрелу нашего действия. В особенности же следует благодарить человека, указующего цель тем, кто ее не видит. Итак, оставляя в стороне мнение, которое имели об этом философ Эпикур, а также Зенон, я собираюсь изложить в общих чертах правдивое мнение Аристотеля и других перипатетиков. Как уже говорилось выше, от Божественной доброты, посеянной и влитой в нас с самого начала нашего зарождения, появляется некий побег, который греки называют «*hormen*», то есть влечение нашей духовной природы. И как злаки, родившись и будучи еще побегами, почти не отличаются друг от друга, а потом, по мере созревания, становятся непохожими один на другой, так же и природное влечение, возникающее из Божественной благодати, поначалу мало чем отличается от врожденного, но схоже с ним примерно так же, как похожи друг на друга травянистые побеги различных злаков. И схоже оно не только у людей, но и у зверей; а сказывается это в том, что каждое животное, будь оно разумное или дикое, едва родившись, любит самого себя и боится, избегает и ненавидит все то, что ему враждебно. Со временем же между влечением одного человека и влечением другого возникает несходство. Как говорит Апостол: «Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду?» – так и эти человеческие влечения с самого начала направляются по различным тропам, но только одна тропа приводит нас к нашему благополучию. И потому, пренебрегая всеми остальными, следует в нашем рассуждении придерживаться той, которая хорошо начинается.

Итак, я утверждаю, что живое существо любит поначалу самого себя, хотя между другими различий не проводит; затем начинает различать те предметы и явления, которые в большей или меньшей степени ему любезны, а также те, что способны возбудить в нем большую или мень-